

Эльдар Эльхан оглы ИСМАИЛОВ,
(Москва)

Адалят ТАГИРЗАДЕ,
(Баку)

Камеральное описание города Дербента как этнографический источник

Камеральные описания представляют собой надежный и уникальный источник информации **не только физико-географического и социально-экономического, но также этнографического и генеалогического характера.** Являясь разновидностью общеимперского ревизского учета, камеральные описания проводились в Закавказье в 1803–1805, 1816–1817, 1830–1832, 1840–1842, 1859–1863, 1873–1874 гг. В промежутках между общими описаниями иногда проводи-

лись переписи отдельных областей и провинций (более подробно о камеральных описаниях в Азербайджане см.: 3).

Ниже речь пойдет о первом камеральном описании города Дербента, проведенном в 1831 г. Один из экземпляров этого документа в настоящее время хранится в Государственном историческом архиве Азербайджанской Республики (далее ГИААР) (см.: 1). О первом камеральном описании Дербента в своем фундаментальном труде по истории города упомянул Евгений Иванович Козубский: «...*Первое общее камеральное описание Дагестанских провинций: Бакинской, Дербентской и Кубинской, бывшее третьим по общему счету камеральных описаний Закавказского края, было произведено в 1830, 1831 и 1832 годах, по особому высочайшему повелению, последовавшему в начале 1827 г., по представлению министра финансов*» (4, с. 181). Основные мотивы проведения камеральных описаний были изложены в высочайше утвержденном 14 мая 1829 г. положении Комитета министров о камеральном описании Закавказского края: «**Богатство предметов, могущих быть**

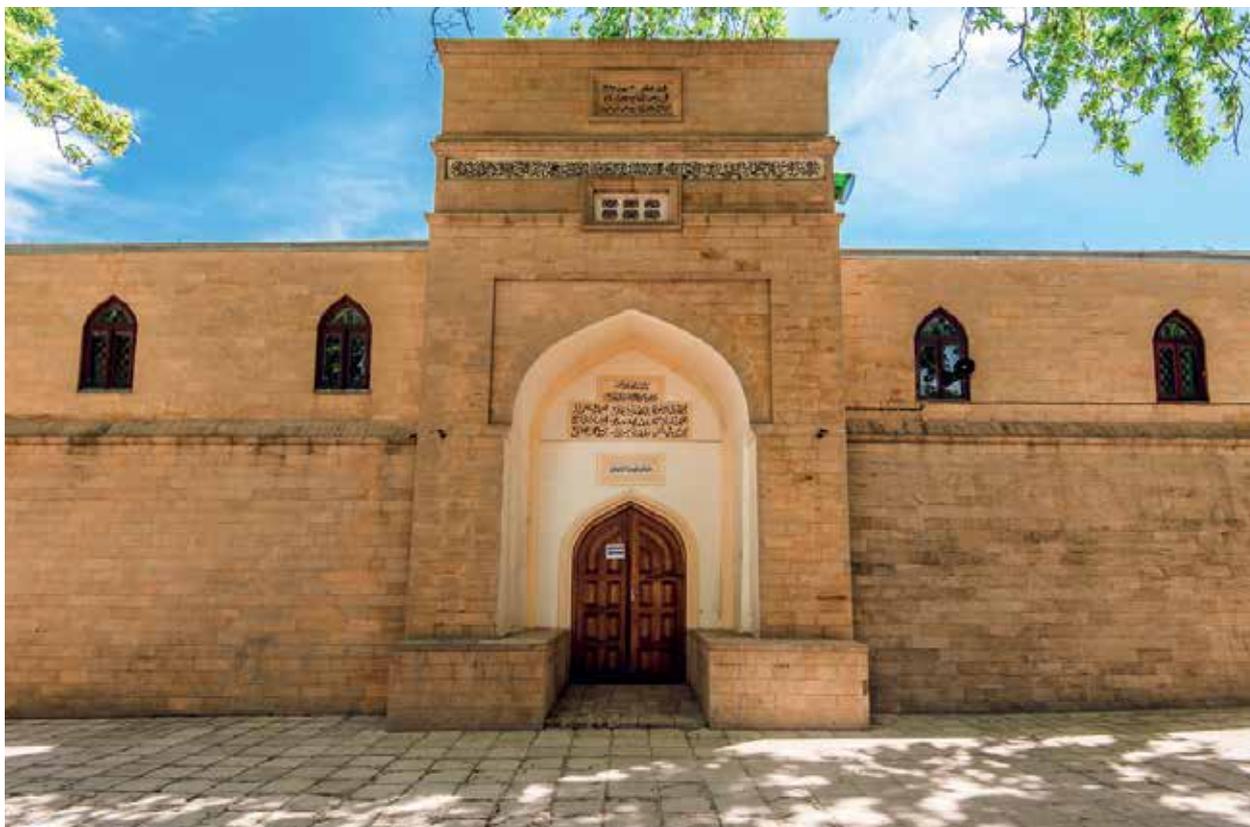

источниками важного дохода в Закавказских областях, Империи Российской принадлежащих, и неопределимость имеющих сведений о настоящем положении оных, побудили Министра Финансов в начале прошлого 1827 года испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение отправить в тот край для соглашения и пополнения доселе известных сведений по части финансовой особого чиновника...» (6, с. 322–325, № 2869). Согласно этому положению, камеральные описания в Закавказье предполагалось проводить каждые 10 лет и, по утверждению главноуправляющего в Грузии генерал-адъютанта графа Паскевича-Эриванского, хотя и ожидалось большие расходы, но *«с достоверностью можно полагать, что после нового исчисления народа казна будет получать в год по крайней мере 500 000 руб. ассигнациями более нынешних доходов...»* (6, с. 322–325, № 2869).

Для нас камеральное описание представляет интерес прежде всего как ценный генеалогический и этнографический источник. Из отчетов чиновников, проводивших в 1830–1832 гг. каме-

ральные описания Закавказских провинций, был составлен сборник «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении». Согласно этому источнику, **«народонаселение крепости Дербента с форштадтом и деревнею Сабнова имело 1 795 дымов (дым – дом, хозяйство как налоговая единица), 142 душ армян, 4 741 татар, 256 евреев, итого 5 139 душ мужеского»** (4, с. 181). Термином «татары» в соответствии с принятой в российской бюрократии и литературе практике обозначены азербайджанцы (азербайджанские турки).

Приведенные данные мы можем сравнить с данными хранящегося в ГИААР экземпляра камерального описания гор. Дербента (см.: 1), состоящего из 219 листов. Его оригинальное название – *Камеральное описание жителей г. Дербента. 1831. Рукописный формуляр камерального описания 1831 г. состоял из 11 граф:* 1. «№ семейств». 2. «Звание города, имена и прозвания людей, в семействе состоящих». 3. «Лета душ». Данная графа была разделена

на 3 подграфы – «Татары», «Армяне» и «Евреи»; при этом в подграфе «татары» указывался возраст членов семьи только мужского пола, а в подграфах «армяне» и «евреи» - членов семьи обоего пола. 4. Графа «Число душ» также разделена на 2 подграфы с указанием числа членов семьи мужского и женского пола, заполненная также по вышеуказанному принципу. 5. «Какую исповедуют религию». 6. «Какую ведут жизнь, оседлую или кочевую». 7. «Каким промыслом занимаются». 8. «Платят ли казне подать и какую именно; если нет, то почему». 9. «Сколько принадлежит земли удобной и неудобной, садов, огородов и прочего недвижимого имения». 10. «Были ли по прежнему камеральному описанию описаны, если нет, то почему». 11. «Объяснение случайных обстоятельств, относящихся до камерального описания и помещенных сверх того в правилах». Описание начиналось с жителей «татарской» части города, которая, в свою очередь, была разделена на 9 частей. В каждой из этих частей имелись свои **старшины, освобожденные от уплаты податей в казну. От податей освобождались также семьи сеидов, священнослужителей, нукеров, чаушей и эсаулов.** Остальные жители города, согласно последней графе формуляра, были с 1825 г. разделены на три разряда. Первые платили в год по 5 рублей серебром со старшего в семействе; прочие

члены семьи мужского пола, достигшие 18-летнего возраста, платили еще по 1 рублю серебром в год. Старшие представители семей 2-го разряда платили по 3 рубля серебром в год, а прочие члены семьи мужского пола, достигшие 18-летнего возраста, - по 50 копеек серебром. Старшие представители семей 3-го разряда платили по 2 рубля серебром в год, а прочие члены семьи мужского пола 18 и более лет платили по 20 копеек серебром. Помимо этого, с каждой комнаты и каждой конюшни в казну взималось по 5 копеек серебром в год. Из числа жителей местным начальством ежегодно для городской службы выбирались 1 *кальфа*, 15 *эсаулов*, 14 *чаушей* (десятников), 16 *нукеров*, 9 *азанчи*, 13 *старост*, 9 *аминов* (оценщиков) и 4 *серкера* (смотрящие за городской канавой), и их семьи освобождались от казенных податей.

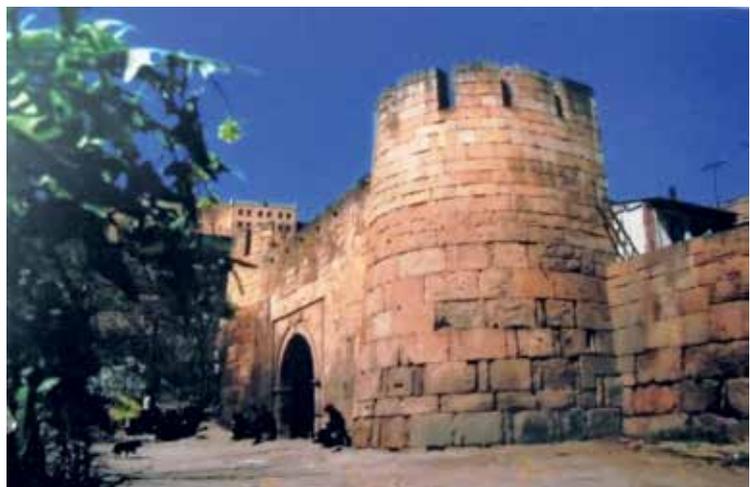
Все жители «татарской» части города, мусульмане-шииты, вели оседлую жизнь, занимались в основном *хлебопашеством* и *сеянием маренного корня* (1, л. 1–4). В общей сложности в девяти тюркских кварталах города были описаны 1 352 семьи («дыма»), в которых записали 3 975 мужчин. Далее в камеральном описании были описаны 58 дымов армянской части города, в которой проживали 122 мужчины и 101 женщина. Армянские семьи занимались *торговлей*, *хлебопашеством*, *сеянием маренного корня*, *шел-*

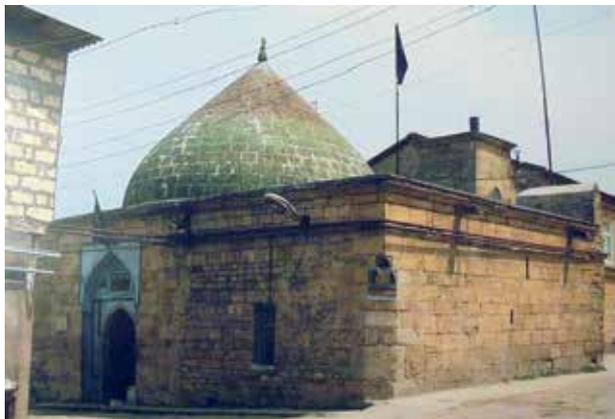

ководством и деланием виноградного вина и водки. По платежам податей армяне, как и азербайджанцы, делились на три разряда (1, л. 157). Еврейская часть города состояла из 108 «дымов», в которых проживали 256 мужчин и 248 женщин. Семьи евреев занимались *сеянием табака, в разному самым мелочных торгов и в малом количестве хлебопашеством. От податей семьи евреев были освобождены*, кроме уплаты 5 копеек серебром с каждой комнаты (1, л. 166). Затем следовало камеральное описание форштадта города Дербента. Все жители форштадта – 131 семья «татар», т.е. азербайджанцев, шииты и сунниты – также вели оседлую жизнь, занимались *хлебопашеством и шелководством* (1, л. 184). В этой части города, согласно камеральному описанию, проживало 356 мужчин. Далее следовало описание **селения Сабнова** – отдельной части форштадта, расположенной в полверсты от самого города. Жители (поселяне) этой части Дербента также были записаны среди «татар» (как шииты, так и сунниты) и состояли из 34 дымов, в которых было 96 мужчин. Они занимались *хлебопашеством, шелководством, продажей дров и углей*. Жители поселения были освобождены от уплаты всех податей (1, л. 198). Далее на 10 листах следовала отдельная часть описания, озаглавлен-

ная как **Камеральное описание бекам города Дербента**. Здесь были представлены 64 дыма беков-«татар», в которых записаны 203 мужчины, и 1 дым армян, в котором записаны 7 мужчин и 5 женщин (1, л. 201–211). В отдельную часть было выделено **Камеральное описание духовенству г. Дербента**, в «татарской» части которого было описано 42 дыма (из них 39 семей шиитов и 3 семьи суннитов), в которых проживало 111 мужчин, а в 4-х дымах армянского духовенства - 12 мужчин и 5 женщин (1, л. 212–219). На последнем листе стояла подпись чиновника, проводившего камеральное описание, – Хотяновского.

В заключении приведем **заметки о самом городе и его жителях Василия Легкобытова** – одного из чиновников, проводивших в 1831 г.

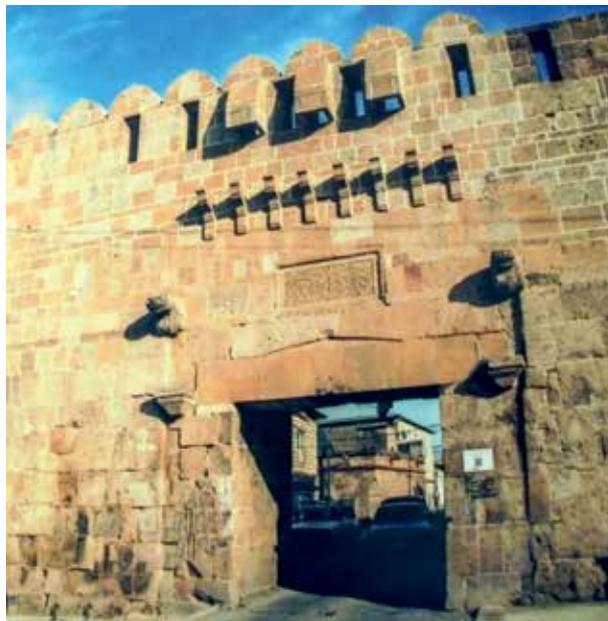

камеральное описание всей Дербентской провинции. Эти заметки процитировал в своем труде Е.И.Козубский: «...Вообще город, невзирая на беспорядочное направление и тесноту улиц, есть один из лучших городов за Кавказом. **Дербентские мусульмане говорят языками татарским и татским, из коих первый в большом употреблении не только между мусульманами, но даже между армянами и евреями, имеющими свои собственные языки.** Дербентцы мало отличаются от мусульман, обитающих в прочих городах за Кавказом, особенно от бакинцев, с которыми, по всей вероятности, имеют общее происхождение; но несколько не сходятся наружностью с их соседями – обитателями гор – и всякого горца легко отличить в толпе дербентцев. Нравственными качествами дербентцы ближе подходят к кубинцам, будучи однако ж менее грубы и не столь воинственны. **В них заметно более общности, единодушия и расположения к принятию полезных нововведений.** Умышленные преступления между ними редки, так что в течение 6 лет было уголовных дел не более 50, и по ним осуждено только 30 человек. Браков расторгнуто, в течение такого же времени, около 80 (...) Образованностью дербентцы подходят к бакинцам, может быть также от частых сношений по торговым делам с русскими. Впрочем, из дербентцев не многие знают хорошо русский язык» (4, л. 181–182). ❀

Литература

1. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР). Ф.24 (Казенная экспедиция Верховного Грузинского правительства), оп. 1, д. 362 (Камеральное описание города Дербента, составленное в 1831 году коллежским регистратором Хотяновским). 219 листов

1а. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 407 (Рукописные списки по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров), оп. 1, д. 954 (Обер-офицеры азиатского происхождения. Сентябрь 1867 – декабрь 1897). 290 листов

2. Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. Москва: Герои Отечества, 2005

3. Исмаилов Э.Э. Камеральные описания городов и сел Азербайджана как генеалогический источник // Azərbaycan Tarixi Şəcərə Cəmiyyətinin Xəbərləri. 5-ci buraxılış. Bakı, 2004, s. 61–70

4. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906

5. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895

6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2, т. IV. 1829. СПб., 1830

7. Tahirzadə Ə.Ş., Tahirli O.Ə. Heydərov (Heydəroğlu) İbrahim bəy İsa bəy oğlu (1879, Dərbənd – 1949, Ankara) // Azərbaycan Tarixi Şəcərə Cəmiyyətinin Xəbərləri. 8-ci buraxılış. Bakı, 2012, s. 149–172

The article briefly describes the ethnographic information contained in the “Cameral description of the city of Derbent in 1831” compiled by Russian authorities. Ethnographic information is also provided about the city of one of the officials who compiled this cameral description. It follows from the data provided, that the majority of the population of Derbent in the period described were Azerbaijanis. The Azerbaijani language was also extensively used by other peoples, thus making up the linguistic background in the city.